

Константин Стешик

Камень глупости

1.

Заросший сырой осенней травой пустырь на краю города. По колени в траве стоят двое — Роман и Марина. Роману на вид лет сорок, может быть, меньше или чуть больше, он в чёрном пальто, чёрной вязаной шапке с большим белым помпоном и чёрных вязаных перчатках. Марина явно младше Романа, вполне возможно, что наполовину, она в дутой красной куртке, без перчаток, без шапки — не очень длинные рыжие кудри Марины слегка шевелит ветер.

— Не так уж и тепло, — говорит Марине Роман. — Даже мне некомфортно. А ты без шапки.

— А ты чересчур одержим своим комфортом, — отвечает Марина Роману.

— Да, я одержим. Но не чересчур. Нельзя быть слишком одержимым. Можно либо да, либо нет, а каких-либо степеней у одержимости не бывает.

— Ну а у тебя как-то получается быть чересчур одержимым своим комфортом. И моим до кучи. Хотя моё самочувствие — только моё, и решать, что с ним делать и как себя вести по отношению к нему, могу только я. Даже в такой, мягко говоря, своеобразной ситуации.

— Справедливо. В теории. Но я всё равно волнуюсь.

— Зря. И ты сам прекрасно знаешь почему.

Роман молчит пару секунд, после смотрит на Марину.

— Нельзя побыть эгоистом? Даже пару минуточек? — спрашивает Роман, улыбаясь.

— Нельзя, — отвечает Марина, тоже улыбаясь. — Бессмысленно.

— Ты — суровая женщина.

— Да прям.

— Серьёзно.

— Ага. Если я суровая, к тому же ещё и женщина, то ты тогда — тютя.

— Кто?

— Тютя.

— Это кто ещё?

— Ага. Типа ты не знаешь.

— Да я правда не знаю. Что за тютя такая?

Марина смотрит на Романа, тот смотрит на неё. Ветер ласково треплет высокую траву и волосы Марины.

— Ну а как это звучит? — спрашивает Марина.
— Как что-то маленькое, глупое и крайне наивное. Такой щенок.

Марина улыбается.

— Серьёзно? — спрашивает Роман. — Я разве такой?
— Нет, конечно, — отвечает Марина. — Ты большой, взрослый дядя в смешной шапке.
— Нормальная шапка. Ничего ты не понимаешь. Тёплая и не кусается. Не люблю, когда вещи кусаются. Люблю мягкие вещи. И вообще комфорт люблю. Да, я им одержим.
— Ага. Тютя.
— Да пожалуйста. Всё равно не обидно.

Некоторое время Роман и Марина молчат. Озеро вялой травы перед ними лениво колыхается.

— А ты разве не любишь комфорт? — спрашивает Роман.
— Люблю, — отвечает Марина. — Я всё люблю. Кроме того, что не люблю.
— А я после операции только комфорт, кажется, и люблю.
— Вот, опять мы съехали к твоей операции. Других тем нет.
— Ну извини. Давай съедем к твоей.
— Да ну, зачем этот мрачнюк. Как будто говорить больше не о чем. Лучше вот посмотри, как вокруг красиво.
— Разве?
— Да.
— Трава себе и трава.
— Вот именно.

Роман пожимает плечами.

— Ладно. Буду смотреть, — говорит Роман и смотрит на часы на левой руке. — Только недолго.
— Пора тебе уже?
— Да.

Некоторое время Роман и Марина смотрят на траву.

— Тютя, — говорит Марина.

Кухня в квартире отца Романа. Роман сидит за столом, отец Романа, полный, седовласый мужчина за шестьдесят, сидит напротив. Пьют чай.

— А может..? — говорит отец Романа.

— Папа, мне нельзя, — отвечает Роман.

— Чисто символически.

— Хочешь — пей. Я не буду.

— Немножко. На доньшке. Пять капель.

— Ни немножко, ни на доньшке, ни пять капель. Серьёзно.

— Эх, ну ладно.

— Себе налей, если хочется.

— Да не хочется. Просто за встречу. Ритуально, так сказать.

— Не говори это слово. Ритуальные только услуги бывают. А я пока с ними ничего общего иметь не собираюсь.

— Ай, ну что ты!.. — говорит отец Романа и, чуть помедлив, продолжает. — Давно ж не виделись.

— Очень давно. Целый месяц.

— Ну, больше, больше. До операции ещё.

— Ну полтора месяца.

Роман и его отец некоторое время молчат. После отец Романа встаёт из-за стола, подходит к одному из навесных шкафчиков, открывает его, вынимает изнутри рюмку и графинчик с чем-то прозрачно розовым. Идёт к столу, ставит графинчик и рюмку на стол, садится напротив Романа.

— Как голова? — спрашивает отец, наливая прозрачно розовое из графинчика в рюмку. — Не болит?

— По-всякому. Иногда да. Иногда нет. Устаю быстро. Это хуже.

— На работу скоро?

— В январе.

— Ну нормально. Как раз отдохнёшь.

— Как раз отдохну, — говорит Роман и тяжело вздыхает.

Его отец медленно пьёт из рюмки. После ставит рюмку на стол.

— Что там мама? — спрашивает отец.

— Нормально мама. Живёт полной жизнью.

— Есть у неё кто?

— Я как-то и не спрашивал. Не думаю, что это уместно. Захочет — сама скажет.

— Ну да, ну да... Я думал, может, ты видел кого.

— Никого не видел. И особо пристально не смотрел. Хочешь узнать — позвони и спроси.

— Ладно тебе, чего ты сразу... Я ж просто.

— Ну а что у тебя? Есть кто?

- У матери, значит, не уместно спрашивать.
- Я шучу. Не обращай внимания.

Отец молчит некоторое время, не глядя на сына.

- Злой ты какой-то стал. Нет, не злой — жёсткий.
- Ты мне это последние сколько лет говоришь?
- Что, правда? Говорю такое?
- Как с мамой разошлись, так и говоришь.
- Надо же. Не помню такого.
- А я помню.
- Ну это, может, я тогда *так* говорил... — отец Романа делает рукой неопределённый жест. — А сейчас серьёзно говорю. Жестишь ты чего-то, малой.

Роман пожимает плечами.

- Ладно, — говорит отец, наливая себе ещё рюмку. — Всё это пройдёт. Всё вообще пройдёт.

Роман молча наблюдает, как его отец медленно пьёт из рюмки.

- А что твой? — спрашивает отец, ставя рюмку на стол.
- Ты ж вроде не хотел, — говорит Роман, выразительно глядя на рюмку и графинчик.
- Я чуть-чуть, — отец наливает себе ещё, быстро выпивает, после встаёт и убирает рюмку и графинчик в шкафчик.
- Я вижу, — говорит Роман.
- Так как там твой? — спрашивает отец, возвращаясь за стол.
- Мои в порядке.
- А подробнее?
- Да всё как обычно. Работа, школа. Нового — ничего.
- Не хочешь мне рассказывать.
- Потому что нечего рассказывать. Было бы что — я бы рассказал.
- Ай... — отец Романа махает рукой и отворачивается.

Достаточно долго оба молчат.

- Пап, а что дом?
- А что — дом? — отец поворачивается и смотрит на Романа.
- Давно ты там был?
- В августе, а что?
- Нормально там?
- В смысле «нормально»?
- Ну, жить можно?

— А чего ж нельзя?

— Не знаю, — пожимает плечами Роман. — Может, нельзя.

— Можно, конечно. Только зачем?

Роман некоторое время молчит.

— Не знаю. Может, один хочу побыть.

3.

Роман и его друг Саша стоят у входа в магазин «Океан». Мимо изредка проходят люди. Саша — среднего роста мужчина в дорогих спортивных шмотках, без шапки, лысеющий. Роман — в прежних пальто, перчатках и шапке, на плече — небольшой чёрный рюкзак. В двух шагах от Романа и Саши стоит дорогой спортивный велосипед, вряд ли принадлежащий Роману.

— Что, может, в баню на выходных? — спрашивает Саша.

— Мне нельзя, — отвечает Роман. — Да и вообще — сомнительное удовольствие.

— Почему?

— Потому что очень много чужих голых мужиков.

— А если голые мужики свои?

— Всё равно они голые. Я голыми только женщин люблю. И то...

— «И то»? В смысле — «и то»?

— В последнее время меня любые голые люди перестали интересовать.

— Это что, из-за этого? — Саша показывает рукой на свою голову и тут же, спохватившись, дует на руку и трясёт ею.

— Не знаю. Может. Наверное, частично.

— Ну, трепанация — дело такое...

— Не было никакой трепанации.

— Как — «не было»? Ты же говорил..?

— Никогда я не говорил тебе ни про какую трепанацию. Операция была, но не трепанация.

— Так а если голову оперируют, разве это не трепанация называется?

— Не обязательно. Просто сделали маленькое отверстие, а через него уже в мозг залезли.

— А-а, ну да, ну да... Сейчас же всё по-новому, — говорит Саша и, чуть помедлив, продолжает. — Значит, не стоит.

— Я такого не говорил.

— А почему ж тогда..?

— Не знаю. Просто не интересно.

Роман и Саша некоторое время молчат. Мимо изредка проходят люди.

- Ну, в баню люди мыться ходят. Вообще-то, — говорит Саша.
- Я и дома помоюсь. Люблю, знаешь ли, делать это один.
- А как же веничком там..?
- Мне всё равно в парилку нельзя.
- А пиво?
- А что «пиво»?
- Ну, пиво после бани тебе можно?
- Ни в баню нельзя, ни пиво нельзя — ничего нельзя.
- И голых людей ты не хочешь.
- И голых людей не хочу.
- А что можно?
- Можно не напрягаться, крепко спать и плотно обедать.
- А хочешь чего?

Некоторое время Роман медлит с ответом. Саша смотрит на Романа, тот же смотрит перед собой.

- Чулки скорее снять.
- Какие чулки?
- Специальные. Чтобы тромбов не было.
- Мешают?
- Не то слово. Натирают и жмут.
- И сколько их носить надо?
- Ещё три дня.
- А, так это скоро!
- Всё равно бесит.
- Ну в чулках — да, в баню не пойдёшь.
- Я и без не пойду.
- Да я понял. Но в чулках — тем более, — говорит Саша и, чуть помедлив, продолжает. — Болит?
- Голова?
- Голова.
- Иногда.
- А что врач?
- А что — «врач»?
- Ну, может, таблетки какие надо.
- Ходил я вчера к неврологу в нашей поликлинике.
- И что невролог?
- Невролог говорит: «Если будет болеть голова — пейте ибупрофен».
- Ну вот. Значит, надо пить ибупрофен, — говорит Саша и, чуть помедлив, продолжает. — А вообще, конечно, лучше травами лечиться.
- Серьёзно?
- Серьёзно. А что не так?
- Да всё.

— Чем тебе травы не угодили?
— Да всем.
— Люди всегда травами лечились, с древних времён.
— И что, типа здоровее были?
— Конечно. Не ели никакой химии.
— И жили долго и счастливо.
— Лучше нас жили. Без прививок этих.
— Без прививок, Саша, дорогой, мы бы с тобой здесь не стояли. Как, впрочем, и без химии.
— Я, знаешь, Рома, таблеток никогда не пью — и отлично себя чувствую. Потому что питаюсь правильно. Как предки питались.
— А, то есть, охотой и собирательством живёшь? На бобра с палкой бежишь, щавель прямо с земли в рот запихиваешь? Так, что ли?

Некоторое время Роман и Саша молчат.

— Что-то ты злой какой-то стал, Рома.
— Нормальный.
— Думаю, что из-за этого, — Саша показывает себе на голову, после, спохватившись, дует на руку и трясёт ею. — А если из-за этого, то, значит, пройдёт.
— На себе нельзя показывать, а, Саш?
— Конечно, нельзя.
— Если что, Саш, то моя болячка не заразна. Даже в обычном, медицинском смысле.
— Всё равно, — говорит Саша и, чуть помедлив, продолжает. — Лечился бы травами, не надо было бы операцию делать.
— Лечился бы я травами, Саша, так уже в земле бы лежал. А ты бы ко мне на могилку на велосипеде цветы бы возил.
— Да ну, типун тебе. Скажешь тоже.
— Конечно, скажу. Почему бы и не сказать.
— О таком лучше не говорить.
— О смерти, что ли?
— О ней.
— Люди не из-за слов умирают, Саш. А из-за реальных причин.
— Всё равно.

Роман смотрит на часы.

— Ладно. Мне пора. Удачи, — говорит Роман, салютуя правой рукой.
— Ну хорошо. Пока, — Саша протягивает Роману правую ладонь для рукопожатия, но Роман на жест не отвечает и разворачивается, чтобы уйти. — Погоди!

Роман останавливается, поворачивается к Саше.

— А чего звал вообще? Просто поговорить? — спрашивает Саша.

— Да, точно, — Роман подходит к Саше, снимает с плеча рюкзак, выуживает из него книгу и вкладывает во всё ещё протянутую для рукопожатия руку. — Брал у тебя когда-то. Спасибо.

— Что-то я уже и не помню такую. Понравилась?

— Нет. Говно какое-то.

Саша молчит, стоя с книгой в протянутой руке.

— Извини, — говорит Роман и уходит. Саша остаётся, рука его с зажатой в ней книгой медленно опускается. Ветер треплет чахлые его волосы. Сашин велосипед падает. Саша продолжает стоять, не обращая внимания на падение велосипеда.

4.

Роман в гостях у Олега и Оксаны. Из колонок звучит приглушённо ситар, дымят многочисленные благовонные палочки, Олег и Оксана сидят на полу у низкого столика с чайными принадлежностями. Олег и Оксана оба худые, со слабыми светлыми волосами, больше похожи на брата и сестру, чем на мужа с женой. Роман сидит сбоку на диване, держит в пальцах пиалу.

— Ещё чаю? — спрашивает Олег у Романа.

— Нет, спасибо, — отвечает Роман.

— А что так? Плохой чай? — спрашивает Оксана.

— Нормальный, — отвечает Роман. — Только я больше чёрный люблю. С молоком и сахаром.

— Ты так только портишь чай, — говорит Олег.

— Знаю.

— Никакого вкуса чая, один только вкус молока и сахара.

— Знаю. Мне нравится вкус молока и сахара.

— А ты, кстати, в курсе, что молоко — это гной? — спрашивает Оксана.

— И вообще молочные продукты вымывают из костей кальций, — говорит Олег.

— Ну началось... — вздыхает Роман.

— Нас специально пичкают молоком, чтобы мы болели и всегда были слабыми, — говорит Олег.

— С сахаром та же тема — от него диабет, зубы портятся, и вообще — он вызывает привыкание, — говорит Оксана.

— Кстати, сахар — это самый настоящий наркотик. Куда мощнее кокаина, — говорит Олег.

— Окей, теперь буду делать дорожки из сахара и занюхивать, — говорит Роман.

— Зачем? — спрашивает Олег.

— А чтобы сильнее вставляло, — отвечает Роман, — чтобы прямиком в мозги.

Некоторое время все, кроме Романа, молча пьют чай. Роман всё так же держит в руках пустую пиалу.

— Кстати, как твоя голова? — спрашивает Олег.

— Терпимо, — отвечает Роман.

— Меньше болит? — спрашивает Оксана.

— Меньше. Но болит.

— Тебе надо на массаж, — говорит Олег.

— Зачем?

— Чтобы не так болело, — говорит Оксана.

— И что массировать? Голову?

— Конечно. Чтобы снизить напряжение, — отвечает Олег.

— Нет там никакого напряжения. Но даже если и есть. Каким, интересно, образом его можно снизить, массируя череп? Это же кость!

— Напряжение на энергетическом уровне, — говорит Оксана.

— На каком? — спрашивает Роман.

— Энергетическом, — отвечает Оксана. — У тебя там сгусток тёмной энергии скопился. Я вижу. Надо его размять. Хочешь, я его разомну?

Оксана встаёт и идёт к Роману, тянется руками к его голове. Роман отклоняется.

— Нет, не надо! Пожалуйста! Не надо мне ничего мять! — говорит Роман. В протянутые к нему руки Оксаны он вкладывает пиалу.

— Точно больше не хочешь чаю? — спрашивает Оксана, забирая пиалу.

— Точно.

Оксана возвращается на прежнее место.

— Тебе на самом деле нужно снимать напряжение, — говорит Олег. — Ты очень нервный.

— Я не нервный.

— Реагируешь слишком остро, — говорит Оксана.

— Потому что вы, ребята, городите какую-то запредельную просто чушь. Молоко — это гной? Seriously?

— Ну, ты можешь не верить, конечно, — говорит Олег, — но об этом везде пишут.

— На всех больших ресурсах по правильному питанию, — говорит Оксана.

— Мало ли что и где пишут. Ну seriously.

— Тебе же нечем возразить, Рома, — говорит Олег, — ну согласись.

— Нет, не соглашусь. Я вообще зря с вами спорю.
— В споре рождается истина, — говорит Оксана без улыбки.
— Нет. Всерьёз не соглашаясь с вашими бреднями, я делаю их как бы легальными, ставлю их на один уровень с информацией здорового человека, а не курильщика. А так делать нельзя.

Некоторое время все молчат.

— Мы не курим, Рома, — говорит Оксана.
— Да я не об этом... — махает рукой Роман.
— Сколько лет тебя знаем, — говорит Олег, — ты никогда таким не был.
— Это каким?
— Злым, — говорит Олег. — Злым и нетерпимым.
— Это всё операция, — говорит Оксана, — не надо было тебе её делать.
— Да. Согласен. Лучше умереть, — говорит Роман.
— Нет, зачем умирать? — спрашивает Олег и, чуть помедлив, говорит. — Просто лечиться нужно было другими методами.
— Иглоукалыванием? — спрашивает Роман.
— Кстати, да, — говорит Оксана.
— И молоко с сахаром исключить из рациона, — говорит Олег.
— И мясо! — говорят Олег и Оксана хором, показывая друг на друга пальцами.
— А лучше вообще перейти полностью на сыроедение, — говорит Олег.
— Даже на моноедение, — говорит Оксана.
— Это как? — спрашивает Роман.
— Есть что-то одно, — отвечает Олег.
— Капусту, например, — говорит Оксана, — или салат.
— Который листьями, — говорит Олег.
— Да, который листьями, — говорит Оксана.
— Зачем? — спрашивает Роман.
— Ради здоровья! — говорят Олег и Оксана хором, показывая друг на друга пальцами.

Некоторое время Роман молча смотрит на них. Олег и Оксана молча пьют чай.

— Вот вы оба серьёзно верите, что вас мама гноем выкормила? — спрашивает Роман.
— У нас разные мамы! — говорят Олег и Оксана хором.
— Если бы нас молоком не кормили, — говорит Олег, — мы были бы гораздо здоровее.
— И мясными консервами, — говорит Оксана. — Мясо — бе! — Оксана делает вид, что её тошнит.
— Ребят, а вы в курсе, что вы — млекопитающие? — спрашивает Роман.
— Это всё предрассудки! — говорят Олег и Оксана хором.
— Да-а-а... — говорит Роман, помедлив, после приставляет указательный палец правой руки к виску, ртом имитирует звук выстрела, пальцами левой руки

показывает, как из его головы вылетают мозги, и медленно заваливается боком на диван.

Роман лежит на диване. Олег и Оксана, переглянувшись, смотрят на Романа.

— Знаете, ребят, что фигово? — спрашивает Роман и, не дожидаясь ответа, продолжает. — Уровень жизни слишком высокий. При таком уровне жизни практически все выживают — даже те, кто не должен был. Даже те, кто всерьёз верит, что молоко — это гной. Что всю жизнь надо жрать траву и только траву, как корова. А я не корова!

— Люди всё равно травоядные, — говорит Оксана.

— Люди — всеядные! — кричит Роман, садясь на диване. — Люди — приматы! И жрут они почти всё, что растёт или бегают! И плавает! И ползает! И летает!

Несколько секунд Олег и Оксана молча смотрят на Романа.

— Чего ты так кричишь? — спрашивает Олег.

— Я не кричу, — отвечает Роман.

— Ты кричишь, — говорит Олег.

— Я не кричу, — говорит Роман.

— Ты кричишь, — говорит Олег.

— Нет, — говорит Роман.

На пару секунд все замолкают.

— А ты в курсе, — говорит Оксана, — что теория эволюции — это только теория?

Роман с нечленораздельным криком подскакивает с дивана. За Романом вспрыгивает на ноги и Олег.

— Я же говорил, что ты кричишь! — кричит Олег, указывая на Романа пальцем.

Роман быстрым шагом выходит из комнаты, почти сразу же возвращаясь с рюкзаком в руке. Вынимает из бокового кармана рюкзака кошелёк, из кошелька — несколько купюр. Кладёт купюры на диван.

— Вот, — говорит Роман, — я брал у вас деньги. Возвращаю. Даже с процентами.

— Почему «с процентами»? — спрашивает Оксана, вставая.

— Потому что здесь больше, чем я брал. Сдачи не надо.

— В смысле «не надо»? — спрашивает Олег.

— Я очень спешу, — говорит Роман, хватая рюкзак и выходит из комнаты. Слышно, как он возится в прихожей, натягивая обувь и накидывая на плечи пальто. Оксана выходит в прихожую к Роману.

— Рома, а твой день рождения? — спрашивает Оксана.

— А что с ним? — спрашивает Роман.

— Он же скоро.

— Ну и?

— Ты нас приглашаешь?

На несколько секунд становится тихо.

— Я никого не приглашаю, — говорит Роман и выходит, хлопнув входной дверью.

Оксана возвращается в комнату. Олег сидит на диване и считает деньги, беззвучно шевеля губами.

— Мясоед, — говорит Оксана, садясь на пол.

Олег кивает, продолжая считать и шевелить губами. Сбивается, кричит, начинает пересчитывать. Оксана вздрагивает от крика, прячет лицо в ладонях и остаётся сидеть с закрытым лицом. Олег сбивается несколько раз, каждый раз крича громче. С каждым его криком Оксана вздрагивает, не убирая ладоней от лица.

5.

— Мам, а я правда, что ли, тютя? — спрашивает Роман у матери, с которой вместе они сидят за столом у неё дома на кухне. Мать Романа выглядит подчёркнуто молодо, волосы у неё неестественно чёрные, губы — ярко-красные.

— Это кто тебе сказал?

— Да так. Одна знакомая.

— Ерунда какая-то. Тоже мне — тютя! — говорит мать и, чуть помедлив, продолжает. — Ничего ты не тютя.

— Правда?

— Конечно! Слово-то какое. Тютя. Что это вообще значит?

— Ну... Тюфяк, наверное. Размазня.

— Неправда. Никогда ты таким не был.

— Так, может, сейчас стал?

— Ничего подобного. Другие бы на твоём месте вообще расклеились... ну... после всего этого с тобой.

— После операции?

— После неё. Не хочу о ней говорить, сразу плохо становится.
— Да ладно тебе. Больше ничего такого не будет.
— Откуда ты знаешь?
— Ну, если починили всё... — Роман показывает рукой на свою поросшую короткими тёмными волосами голову, — здесь.
— Не надо на себе показывать.
— Мама, ну хоть ты давай без этого, а?
— Ты не понимаешь, что мне страшно.
— Понимаю, конечно. Но...
— Ну вот если понимаешь, то не надо, — перебивает Романа мать. — Дай мне чувствовать, как я чувствую.
— Чувствуй.

Некоторое время Роман и его мать молчат.

— Ты не мать, — говорит мать Романа, — ты не понимаешь, что я чувствую.
— Я отец.
— Это не то. Вот твой отец пришёл к тебе в больницу?
— Мама, не начинай.
— Не пришёл. И даже не позвонил.
— Мне он звонил.
— Конечно. Через несколько дней. Соизволил.
— Мама, он не знал.
— А должен был! Должен! — громко говорит мать Романа и, чуть помедлив, продолжает гораздо тише. — Ладно, меня он оставил непонятно ради кого и чего. Но ты-то что ему сделал?
— Мама.
— А знаешь, почему он тебе позвонил? Потому что я ему позвонила. Очень не хотела его снова слышать, но так обидно стало.
— Мама.
— И нет бы поднять свою задницу ленивую и приехать тебя навестить — всё равно на пенсии сидит ничего не делает. Так он тебе просто позвонил. И всё. Один раз.
— Ну не один.
— Да какая разница, Рома? Это ж ему настолько не хотелось со мной сталкиваться, что он даже не пришёл к тебе ни разу!
— Мама.
— Да что ты «мамкаешь» без конца?!
— Я был у него несколько дней назад.

Некоторое время Роман и его мать смотрят друг на друга молча.

— Зачем? — спрашивает мать.
— Просто по делу.
— И какие же у тебя с ним дела, если не секрет?

— Ничего особенного. Он про тебя спрашивал, — говорит Роман и, чуть помедлив, продолжает. — Как ты поживаешь. Есть ли у тебя кто-то.

Некоторое время Роман и его мать молчат, не глядя друг на друга.

— Ты, Ромка, предатель, — наконец говорит мать.

— Это почему?

— Потому что ты должен быть на моей стороне.

— Ничего я не должен, мам. Он — мой отец.

— Он тебя бросил, Рома.

— Я понимаю.

— Пусть бы он только меня бросил. Но он бросил и меня, и тебя.

— Я понимаю, мам.

— Ради чего, Рома? — говорит мать и, чуть помедлив, продолжает. — Мы с тобой живые люди, Рома. Мы не какой-то неудачный проект. Нас нельзя бросать. Если начал, то — будь добр — постарайся закончить.

— Я всё это понимаю, мама. Но я не могу злиться на него бесконечно. Я и так на всех злюсь.

— На всех злишься, а на отца, значит, зло закончилось?

— Да просто сколько можно-то?

Некоторое время Роман и его мать молчат.

— На меня тоже злишься? — спрашивает мать.

— Немножко.

— Да? Это из-за чего же?

— Из-за парика твоего дурацкого. Может, хотя бы дома снимешь его? Жарко же... наверное.

— Ну и не стыдно тебе? — спрашивает мать, чуть помедлив.

— А должно быть?

— Тебе жалко, что ли?

— Мне не жалко.

— Может, я хочу побыть... ну, красивой — ты об этом не думал, Ром?

— Для кого, мам?

— Для себя, сын. Для себя.

Роман молчит, улыбаясь. Мать Романа, вздохнув, стягивает с головы парик, под ним — короткие седые волосы.

— Так лучше?

Роман, улыбаясь, пожимает плечами.

— Ах ты..! — мать Романа замахивается на него париком и бьёт по плечу. После нахлобучивает парик на голову Роману. — Вот теперь и ходи так. Бестолочь.

— Как скажешь, — говорит Роман, всё ещё улыбаясь.

— Вот он как раз тютя.

— Кто?

— Как «кто»? Отец твой, кто ещё.

— Не забывай, что у меня его гены.

— У тебя и мои гены, если что. И похож ты на меня. А на него совсем не похож.

Роман снимает с головы парик и кладёт его на стол.

— Мам, — говорит Роман, — а что машина твоя?

— А что — машина?

— На ходу?

— Ну пока да. А что?

— Катаешься?

— Ну изредка. А что такое-то?

— Можешь мне дать? На пару дней.

— Так у тебя же своя? Нет?

— Она пока не у меня.

Мать некоторое время молча смотрит на Романа. Тот перебирает пальцами волосы парика.

— Ну... ладно. Бери, — говорит мать и, чуть помедлив, продолжает. — Что-то ты темнишь, Ром. Что случилось, м?

— Да ничего не случилось. Просто нужна машина, а моя не у меня. Пока что.

— Дома всё хорошо?

Роман молча перебирает пальцами волосы парика.

— Рома.

— Этот твой парик на дохлую ворону похож, — говорит Роман и отталкивает от себя парик. — Фу!

6.

Роман и Марат — в комнате в квартире Марата. Комната совсем пустая, разве что у окна лежит тонкий матрас, накрытый выдавшим виды пледом. На Марате — выцветшие шорты и больше ничего. Голова Марата вся в густых волосах и дремучей бороде. Роман держит в руке всё тот же рюкзак.

- Как голова? — спрашивает Марат.
- А ты откуда знаешь?
- Почитываю иногда фейсбук, есть такой грешок.
- А где ж ты его почитываешь, — говорит Роман, глядя по сторонам пустой комнаты, — напрямую мозгами, что ли, к интернету подключаешься?
- Зачем же мозгами, — говорит Марат, вынимая из кармана смартфон и показывая его Роману, — у меня для этого смертефон имеется.
- Как ты его назвал?
- Смертефон. Он у меня в основном для того, чтобы о смертях разных знаменитых людей узнавать, — говорит Марат и, чуть помедлив и спрятав смартфон в карман, продолжает. — Ну, и фейсбук иногда почитываю, да, есть такой грешок.
- Зря я, конечно, про операцию написал. Теперь каждый чуть ли не святым своим долгом считает спросить, как там моя голова.
- Ну и как голова?
- Я ж обо всём подробно писал.
- Писать-то писал, но разве живое общение чем-нибудь можно заменить?
- Переоценивают, мне кажется, это «живое общение», — говорит Роман и, чуть помедлив, продолжает. — Я, на самом деле, ненадолго.
- Да ладно, чего ты. Лучше присядь.
- На пол?
- Зачем на пол? Вот, на футон, — говорит Марат, указывая надохлый матрас.
- Это у тебя, значит, футон.
- Ага. А я сейчас чаю сделаю.
- Нет, спасибо. Не надо чаю. Я правда совсем на чуть-чуть.

Роман вынимает из рюкзака колонки с проводами и ставит их на пол. Марат молча смотрит на колонки.

- Я у тебя брал пару лет назад попользоваться. Они в порядке, работают. Просто мне уже не нужны.
- Я понимаю, брат, — говорит Марат, всё так же глядя на колонки, — только и мне они уже не нужны.

Роман и Марат стоят и некоторое время молча смотрят на колонки.

- Марат, я...
- А хочешь, — перебивает Романа Марат, — я тебе их подарю?
- Мне они не нужны.
- И мне не нужны.
- Ну тогда ты сделаешь с ними всё, что захочешь. Они в любом случае твои. Я их вернул и теперь ничего тебе не должен.
- Да ты и так мне ничего не должен. Потому что мне ничего и не надо.
- Разве?

- Ну да.
- А дохлофон твой...
- Смертефон.
- Ага, он самый. Зачем он, если тебе ничего не надо?
- Я же говорил. Про смерти читать. Ну ещё и фейсбук иногда. Есть такой грешок.
- А говоришь — «ничего не надо».
- Ну в целом-то ничего. Почти от всех вещей уже избавился. Остались последние крохи.
- От «футона» своего тоже будешь избавляться?
- Со временем. Пока ещё плохо получается просто на полу спать.
- А ты что, тренируешься?
- Каждую ночь. Если устану и замёрзну — на фудон перебираюсь.
- Ага. Погоди, а шорты?
- А что — шорты?
- От них тоже избавишься?
- Со временем.
- А где ж ты тогда свой этот...
- Смертефон.
- Да, точно. Где ж ты его прятать будешь?

Марат и Роман некоторое время молча смотрят друг на друга.

- Ну, брат, — говорит наконец Марат, — к тому времени я и от смертефона избавлюсь.
- Марат, а зачем?
- Вещи обременяют.
- А квартира?

Марат, не отвечая, переводит взгляд на колонки. Роман смотрит на Марата.

- Слушай, брат, — говорит Марат наконец, — вынеси ты их на помойку. Я всё равно больше музыку не слушаю.
- А сам чего не вынесешь?
- Честно?
- Честно.
- Не хочется лишних движений. Да и холодно снаружи.
- Так ты оденься.

Марат смотрит на Романа.

- Издеваешься? — спрашивает Марат.
- Нет. В плед вон завернись. Если надеть нечего.
- Издеваешься.
- Немножко. Извини.

— Не надо так, брат. Я же и оскорбиться могу.

Роман пожимает плечами.

— Ну что, — говорит Роман, чуть помедлив, — я пойду.

Роман выходит из комнаты. Марат остаётся на месте, смотрит на колонки. После аккуратно роняет одну из них ногой.

— Так как всё-таки голова? — почти кричит Марат вдогонку Роману.

— Лучше, чем у многих других. Пока!

Хлопает входная дверь. Некоторое время Марат стоит на том же месте, после так же аккуратно роняет ногой и вторую колонку. Идёт к матрасу, садится на него, вынимает из-под пледа погрызенный батон, откусывает от него, жуёт. Плачет.

7.

Маленькая комната деревенского дома. Печка, кровать, сундук, стол и два стула. Роман сидит на кровати в трусах и майке, Марина, в той же красной дутой куртке, примостилась на сундуке и молча смотрит на Романа.

— Марин, а можно я тебе поною? — спрашивает Роман.

— Хочешь поплакаться о своей невыносимо тяжёлой жизни?

— Хочу.

— Валяй.

— Только не говори, что я тютя.

— Я не буду говорить. Ты сам это сказал.

— Знаю. Но ты не говори.

— Хорошо, — говорит Марина, чуть помедлив, — не буду.

Некоторое время Роман и Марина молчат. Роман к чему-то прислушивается.

— Ну и? — не выдерживает Марина.

— погоди, — говорит Роман и, чуть помедлив, продолжает. — Слушай, а тебе здесь не страшно?

— А тебе?

— Мне очень страшно. Я понимаю, что это иррационально, но тем не менее. Каждый мельчайший звук...

— Не бойся, я с тобой.

— Ага. Очень смешно.

— Ну, как хочешь.

— Хочу, чтобы не страшно было. А оно всё равно страшно, — говорит Роман и, чуть помедлив, продолжает. — Вот интересно, как люди в средние века жили?

— Плохо.

— Я понимаю и я не о том. Ты просто подумай: лампочки нет, электрической плитки нет, холодильника нет. Критического мышления тоже нет.

— Критического мышления и сейчас нет.

— Ну, у меня, например, есть.

— Тогда чего ты боишься?

— Что сюда посреди ночи заявятся какие-нибудь уроды.

— Которым ты просто не откроешь дверь.

— Не открою. Буду сидеть и бояться, пока они будут дверь выламывать.

— Делать им больше нечего.

— Ну смотри. Свет горит, значит, кто-то здесь есть. А если кто-то здесь есть, значит, и у него что-то есть.

— Но у тебя же ничего нет.

— Но они-то не знают.

— Дверь крепкая?

— Я надеюсь.

— Ты не надейся, а сходи и проверь.

— Да ну тебя.

— Что так?

— Да страшно, как ты не понимаешь.

— Не понимаю.

— Ну и зря.

Некоторое время Роман и Марина молчат.

— А ещё чего ты боишься? — не выдерживает Марина.

— Боюсь, что свет погаснет и назад не включится. Тут электричество не очень стабильное.

— Ну, погаснет, и?

— И будет темно.

— Ты и темноты боишься?

— Боюсь.

— А говоришь, что у тебя критическое мышление есть.

— Ну, в целом есть.

— А темноты боишься.

— Боюсь. Но не панически, конечно. Но боюсь, — говорит Роман и, чуть помедлив, продолжает. — А ты представь, как в средние века люди её боялись. Для них же в темноте кто угодно сидел.

— А для тебя кто сидит?

— Привидения, может быть.

— А они разве существуют?

— Понятное дело, что нет.

— Хорошо. И?

— Ну... а вдруг — да?

— А вдруг — нет?

— Чёрт его знает...

— Чёрт тоже есть?

— Чёрт есть только в этой самой идиоме про чёрта. Не придирайся.

— Да я, в общем-то, и не собиралась, — говорит Марина и, чуть помедлив, продолжает. — Ты собирался мне ныть, а сам про страхи и средневековые рассуждаешь. Это всё, что тебя беспокоит?

Роман вздыхает и некоторое время молчит.

— Хорошо, что у меня получилось печку растопить, правда? — спрашивает Роман.

— Так ты будешь ныть или печке радоваться?

— Буду ныть, буду.

— Ну так давай.

Роман кивает, но ничего не говорит. Некоторое время Роман и Марина молчат.

— Что, плохо тебе? — спрашивает Марина.

Роман кивает.

— Больно?

Роман снова кивает.

— А почему плохо и больно? — спрашивает Марина.

Роман пожимает плечами.

— Не знаешь? — спрашивает Марина.

— Знаю, — отвечает Роман и, чуть помедлив, продолжает. — Знаю, но всё это вот здесь, — Роман показывает правой рукой на солнечное сплетение, — торчит и проговариваться не хочет.

— Может, поплакать надо для начала?

— Может, и надо, — говорит Роман и, чуть помедлив, продолжает. — Но ты тогда точно скажешь, что я тютя.

— А-а-а, так вот ты чего боишься больше всего!

Роман кивает, шмыгая носом.

— Тоже мне, — говорит Марина, встаёт с сундука, идёт к Роману и садится рядом с ним, — нашёл чего бояться.

Роман снова шмыгает носом, трёт глаза кулаком.

— Даже если и тютя, — говорит Марина, — то что? Нельзя побыть тютей?

Роман, плача, пожимает плечами.

— На минуточку же можно. Ну или на две.

Роман закрывает лицо ладонями, плачет. Марина смотрит на него, после поднимает руку, чтобы погладить по голове, но, так и не прикоснувшись, убирает.

Через пару минут Роман начинает потихоньку успокаиваться. Вытирает лицо майкой. Смотрит на Марину. Марина смотрит на него.

— Понимаешь, — говорит Роман, шмыгая носом, — я ведь сюда сегодня приехал, чтобы навсегда из семьи уйти. Сказал своим, что пару дней хочу один побыть, но на самом деле возвращаться не собирался. — Чуть помедлив, Роман продолжает. — А теперь даже и не знаю...

Марина встаёт, возвращается к сундуку, взбирается на него. Роман смотрит на Марину.

— Знаешь, — говорит Роман, — одно время после операции я думал, что мне из головы извлекли камень глупости. То есть, не понарошку, как на картинах средневековых, а натурально. Что-то такое удалили из мозгов, что мешало раньше трезво на мир смотреть. И сначала я радовался. Думал, что наконец-то заживу, раз уж из этого всеобщего тумана вышел. А без этого тумана, Марин, вся моя жизнь оказалась жалкой, как мамин парик. Все эти мои корявые и смешные попытки что-то кому-то показать и доказать. А под ними, на самом деле, ничего, кроме боли.

Роман на некоторое время умолкает.

— И первое моё побуждение было себя убить. И я уже начал все долги раздавать и готовиться, а после понял, что и у меня кишка тонка, и своим я не хочу жизнь поганить. Им-то зачем за мной разгребать... всё это, — говорит Роман и, чуть помедлив, продолжает. — В общем, ничего лучше чем сбежать я не придумал. Никто ведь, кроме отца, не знает, что я здесь. А он никому и не скажет.

— Потому что ты попросил.

— Потому что я попросил.

Роман и Марина некоторое время молчат.

— А теперь мне кажется, что я передумал... — говорит Роман и, чуть помедлив, продолжает. — Знаешь, мать и отец по отдельности какие-то совсем маленькие стали, крохотные такие.

— Это потому что ты вырос.

— Может быть. Но я как подумаю о том, что для своей дочери сожмусь в такую же бессмысленную и никчемную точку... Буду так же стыдливо и жалобно подбухивать у себя на кухоньке. Словно воруя, — говорит Роман и, чуть помедлив, продолжает. — Мне очень хочется, чтобы моя дочь смогла, глядя на нас с женой, сказать когда-нибудь: «Могучие мои старики». Пусть мы даже будем совсем и не могучие, а просто старые и больные. Но вместе.

— Ты идеализируешь отношения, — говорит Марина.

— Потому что мне хочется идеализировать хоть что-нибудь.

— Туману себе подпускаешь?

— А даже если и так?

— По глупым временам соскучился?

— А даже если и так?

Марина пожимает плечами.

— Жить-то всё равно тебе, — говорит она и, чуть помедлив, продолжает. — Странно.

— Что «странно»?

— У тебя же в семье всё хорошо. С чего ты уйти вдруг решил?

Роман смотрит на Марину.

— Может быть, самым умным себя почувствовал? — говорит наконец Роман.

— Так почувствуй себя самым глупым. В чём проблема?

Роман пожимает плечами. Почти сразу после этого на несколько секунд гаснет свет. Когда он появляется, Марины в комнате уже нет.

Роман, вздохнув, забирается под одеяло и ложится. Лежит так некоторое время, после встаёт, идёт к выключателю, выключает свет. Топаёт в темноте босыми пятками назад к кровати. Шуршит одеялом. Затихает.

— Тютя, — говорит кто-то тихо, но непонятно кто именно — Роман или Марина.

8.

Роман снова за столом у отца на кухне. Отец сидит напротив.

- Ты, может, голодный? — спрашивает отец.
- Нет, не голодный. И я на пару минут, на самом деле.
- А что мало так?
- Дела, пап, дела.
- И что у тебя за дела такие?
- Обычные дела взрослого человека.
- Это ты-то взрослый? — говорит отец, улыбаясь.
- Ну вроде как да. Сорок лет уже.

Несколько секунд отец внимательно смотрит на Романа.

- Ох, блин! — говорит он наконец. — Я совсем забыл. День рождения же!
- Уже прошёл.
- Я тебя поздравляю, хоть и с опозданием, — отец встаёт, идёт к навесному шкафчику, вынимает графинчик и две рюмки, садится за стол, одну из рюмок ставит перед Романом. — Подарка у меня нет, ты уж извини.
- Всё это ерунда, пап.
- Но я тебя всё равно поздравляю.
- Спасибо.

Отец разливает прозрачный розовый алкоголь по рюмкам.

- Давай, за твоё здоровье, — говорит отец и берёт рюмку.
- Пап.
- М?
- Чтобы я был здоровым, мне как раз вот этого и нельзя.
- Что, вот эти пять капель тебе плохо сделают?
- Сделают.

Отец ставит рюмку на стол.

- Ну блин, — говорит отец, — я ж тебе уже налил.
- Ничего страшного. Ты пей.
- Так же нехорошо. Неправильно.
- Нормально.

Некоторое время Роман и отец молчат.

- Думаешь? — говорит наконец отец.
- Уверен.
- Ну тогда ладно.

Отец выпивает содержимое своей рюмки.

— В общем, ты подумай. Я убирать пока не буду. Захочешь — выпьешь, — говорит отец.

— Я не захочу, спасибо.

— Пусть себе постоит. Никому не мешает.

— Пусть.

Некоторое, достаточно продолжительное время Роман и отец молчат. Отец наливает себе ещё.

— Пап.

— М?

— А почему ты от нас с мамой ушёл?

Отец, уже поднёсший рюмку ко рту, медленно ставит её на стол.

— По крайней мере, официальная версия именно такая, — говорит Роман, — что это как раз ты ушёл.

— Как раз я и ушёл.

— А почему?

Отец несколько секунд молча смотрит на свою рюмку.

— Трудно одну какую-то причину назвать, — говорит он наконец.

— Назови все.

— Все... Если б это было так просто.

— Давай пусть будет сложно. Но ты попробуй.

Отец берёт свою рюмку, выпивает, ставит на стол. Наливает себе ещё.

— Не знаю, — говорит отец, помедлив, — помнишь ли ты, как приходил ко мне в больницу. Ты ещё маленький был.

— Что-то такое помню. Ты ногу, кажется, сломал.

— Не только ногу. Много чего. Я практически весь переломался. С велосипеда упал.

— Это надо было хорошо так упасть.

— А я как раз так и упал. На очень приличной скорости — прямо в кювет. С дачи ехал и на повороте чуть под КАМАЗ не угодил. Пришлось свернуть.

Отец выпивает рюмку и ставит её на стол.

— Несколько часов потом под собственным велосипедом лежал, пока меня не заметили, — говорит отец. — Мешок с перцами с багажника слетел, и перцы эти вокруг меня по траве рассыпались. Красивые такие, красные. И парочка жёлтых. Лежу я, значит, подняться даже не пытаюсь, потому что боль дикая, на перцы эти смотрю и вою.

Отец умолкает на некоторое время.

— Может, именно тогда, — говорит отец, — лёжа среди этих дурацких перцев, я в первый раз и задумался о том, что делаю что-то не так в своей жизни. А уже в больнице решил, что начну всё заново, когда выпишусь.

— Но ты же гораздо позже ушёл... от нас с мамой.

— Ну... я долго решался. Это, знаешь ли, не так просто. Взять и всё поменять.

— Знаю.

— Знаешь? Откуда?

Роман пожимает плечами. После вынимает из кармана ключи и кладёт их на стол.

— Спасибо, пап.

— У тебя всё хорошо?

— У меня всё хорошо.

— Побыл один?

— Побыл. Не понравилось.

Роман встаёт и идёт к выходу. Проходя мимо отца, легонько похлопывает его по плечу.

— С днём рождения! — говорит отец громко, но Роман не отвечает. Хлопает входная дверь.

Отец, вздохнув, пожимает плечами точно так же, как Роман, берёт со стола его рюмку.

— С днём рождения, — тихо говорит отец и выпивает.

9.

Роман и его мать — дома на кухне у матери Романа. Мать на этот раз без парика, без помады, выглядит гораздо старше, чем в прошлый раз.

— Ты когда маленький был, — говорит мать, — я тебя очень часто Ромашкой называла. А тебе не нравилось, ты злился так забавно. Говорил, что не хочешь быть цветочком. Что хочешь быть моряком или лётчиком. А я тебе говорила: «Цветочек мой»... И ты снова злился. Помнишь?

— Нет.

— Совсем-совсем не помнишь?

— Совсем-совсем.

— Надо же. А я помню.

— Вот про моряка и лётчика помню. Честно говоря, до сих пор хочу стать или моряком, или лётчиком. Хотя уже поздно, конечно. Значит, буду и дальше простым бухгалтером.

— Почему? Для себя же можно стать кем хочешь. Пусть и в несколько ином масштабе. Порыбачить с лодки в озере. Полетать на этом... таком... дельтаплане с мотором.

— Это всё не то, — говорит Роман и, чуть помедлив, продолжает. — Мам, прости меня за парик.

— Ай, — мать махает рукой как будто бы слегка раздражённо, — он и правда дурацкий. Ты прав. Забудь. Я его, конечно, ещё не выбросила. Потом выброшу. Завтра.

— Прости.

— Уже сказал же один раз. Не надо повторять.

— Ты простила?

— Простила, — говорит мать и, чуть помедлив, продолжает. — А чего это ты вдруг про него вспомнил?

— Не знаю. Стыдно. Потому что решил, наверное, что у меня есть право указывать другим, что и как им делать. Как жить.

— А у тебя нет такого права?

— Мне кажется, ни у кого нет. Я даже *уверен*, что ни у кого.

— Может быть, может быть...

Некоторое время Роман и его мать молчат.

— Я, когда в нейрохирургии лежал, — говорит наконец Роман, — познакомился с одной... девушкой. Ей должны были кисту удалять, она ждала операцию. А меня раньше прооперировали. Так она ко мне в палату приходила, сидела со мной, пока я под капельницами лежал. Мы с ней говорили очень много — обо всём буквально. Потом я выходить стал, и мы по коридорам гуляли. На лифте катались. Ничего такого, просто общение.

Некоторое время Роман молчит, глядя перед собой. Его мать смотрит на него.

— Она меня младше лет на двадцать. Марина. Обычная такая внешне, ничего, в целом, особенного, разве что волосы рыжие-рыжие. Прямо огненные.

Некоторое время Роман и мать молчат.

— И вот ей говорят, что завтра будут оперировать. И мы целый день с ней ходили, смеялись. Шутили про то, что с ней будет потом. Как уже я буду к ней приходиться и рядом сидеть. Как потом, когда выпишемся, обязательно встретимся и сходим куда-нибудь в хорошее место — попьём кофе, пообщаемся, — говорит Роман и, чуть помедлив, продолжает. — И у меня, знаешь, ничего не дрогнуло. Ни малейшего сомнения не появилось. Я вообще

ничего такого не почувствовал, всё было как всегда. А она во время операции умерла.

Роман умолкает. Его мать подходит к нему и, наклонившись, обнимает. Целует в макушку.

— Это она меня тютей называет... называла, — говорит Роман. — В шутку, конечно.

Мать гладит Романа по голове.

— Мам.

— М?

— Я тебя люблю.

Роман обнимает мать.

— Эх ты, — говорит мать Романа, продолжая гладить его по голове, — Ромашка. И я тебя люблю.

10.

Заснеженный пустырь на краю города. По колено в снегу стоят двое — Роман и Марина. Роман в той же самой шапке с большим белым помпоном, Марина — в красной дутой куртке и без шапки.

— Почему ты всегда в этой куртке? — спрашивает Роман.

— Разве это у меня нужно спрашивать?

— Думаешь, это я тебе такую куртку придумал?

— Может, и ты.

— А почему ты тогда без шапки? Если всё решаю я, ты должна быть в шапке.

— Ну, наверное, ты краешком своих крохотных мозгов всё же понимаешь, что шапка мне ни к чему.

— В таком случае, и куртка тебе ни к чему.

— Значит, ты не всё решаешь.

— Странно, я — и не могу распоряжаться собственными мозгами.

— Ты и есть «собственные мозги».

— Не только.

— Хочешь поговорить о душе?

— Не хочу. Только её мне и не хватало.

Некоторое время Роман и Марина молчат.

— Я глупый человек, — говорит наконец Роман.

- Тоже мне открытие.
- Нет, даже не так. Я был глупым, а стал ещё глупее.
- Это нормально в твоём возрасте.
- Тут другое.
- Давай, оправдывайся.
- Тут такой интересный парадокс, — говорит Роман и, чуть помедлив и откашлявшись, продолжает. — Чем ты умнее, тем ты глупее.
- Только такой глупый человек как ты и мог выдумать подобную ерунду.
- Ну правда. Я не шучу. Невозможно поумнеть. Это как дойти до горизонта и заглянуть за край. Человек слишком жалкое существо, чтобы охватить своим умишком хотя бы малую часть всего, — говорит Роман и, чуть помедлив, продолжает. — А я-то чуть не купился на извлечение камня глупости из своей головы. Как самый настоящий дурак.
- Почему «как»?
- И то верно. Дурак. Думал, что избавился от глупости, а сам чуть не влез по самое не могу в глупость гораздо круче, чем когда бы то ни было.
- Чуть?
- Чуть.
- Всё-таки не влез?
- Всё-таки нет. А мог бы... повторить за своим отцом.

Некоторое время Роман и Марина молчат.

- У тебя же всё хорошо, — говорит наконец Марина.
- У меня всё хорошо.
- А ты почему-то решил, что всё плохо.
- А я почему-то решил.
- Почему?

Роман пожимает плечами.

- Не знаю, — говорит Роман, — может быть из-за проблем с головой. Не просто же так мне делали операцию.
- Понятное дело. Лишние мозги вырезали.
- Ага.

Некоторое время Роман и Марина молчат.

- Интересно, — говорит наконец Роман, — ты всегда будешь со мной, когда я один? Или всё же пропадёшь когда-нибудь?
- Посмотрим.
- Время покажет?
- Оно уже показывает.
- И что же?
- А ты посмотри.

- Куда посмотреть?
- Вокруг посмотри, дубина.
- Ну и что? Снег себе и снег. Ничего особенного.
- Вот именно.

Роман и Марина стоят и смотрят. Ничего не происходит.

2-6 августа, 2019, д. Норинская